

«Марат Крестьянского банка»: очерк жизни и деятельности Е. Э. Картавцова (1850 – 1932)

А. В. Бугров,
кандидат исторических наук

Сегодня имя Евгения Эпафродитовича Картавцова (Картавцева) мало что говорит большинству читателей. В свое время он, конечно, был известен многим – уже потому, что был первым управляющим Крестьянским поземельным банком. Можно сказать, что именно с ним связано становление этого учреждения, одного из трех государственных банков империи, который был создан для ликвидации крестьянского малоземелья. Другие запомнили Е. Э. Картавцова по теплому очерку о его учителе, профессоре Н. Х. Бунге, и красочному описанию своего путешествия по Египту и Палестине.

По мнению консерваторов, он был «Маратом Крестьянского банка», а о его «красном образе мыслей» говорили даже в правительстве. Всесильный С. Ю. Витте в своих воспоминаниях не обошел вниманием эту фигуру, хотя описал ее довольно скромно: *«Первый управляющий этим банком, Картавцов, ученик и любимец Бунге, вопреки его, Бунге, желанию, был уволен за красный образ мыслей. Теперь он служит в частном банке, весьма почтенный человек и по убеждениям самый правый партии 17 октября»*¹. Конечно, такая краткая характеристика не способна раскрыть человека, деятельность которого была сопряжена с Крестьянским банком, Обществом Юго-Восточных железных дорог, Русским для внешней торговли банком. Во всех перечисленных учреждениях он занимал ключевые посты и, конечно, влиял на их деятельность.

Евгений Эпафродитович Картавцов родился 30 октября 1850 г. в семье щигровского помещика штаб-ротмистра Эпафродита Алексеевича Картавцова и его жены Надежды Петровны, урожденной Шестаковой, дочери отставного генерал-майора². Картавцовы были старинным русским дворянским родом. Отец Евгения

Эпафродитовича, весельчак и балагур, был типичным хлебосольным помещиком черноземной России. Одно время, будучи уездным предводителем дворянства, он собирал в своем тесном и по меркам московских дворян бедноватом гнезде в Нижнем Ольховатове Курской губернии весь цвет Щигровского уезда, а его крепостные музыканты услаждали гостей музыкой. Такие приемы могли длиться несколько дней.

Все детство Евгений провел в отцовском имении, пока не поступил в Орловскую гимназию, которую окончил в 1870 г., а в августе того же года был принят на юридический факультет Московского университета. Однако через год, в сентябре 1871 г. он покинул его, возвратился к родителям в имение и жил там до осени 1872 г. Причины этого шага неизвестны: то ли семейные обстоятельства, то ли разочарование юноши в столичном университете, то ли что иное. Однако 24 октября 1871 г. он становится «своекоштным» (т. е. учившимся за собственный счет или за счет семьи) студентом юридического факультета университета святого Владимира в Киеве.

Это событие стало для Е. Э. Картавцова судьбоносным. Именно в этом университете преподавал профессор Н. Х. Бунге – известный либеральный экономист, ставший очень скоро научным наставником Евгения и сыгравший определяющую роль в формировании его взглядов. С 1859-го по 1862 г. и с 1871-го по 1875 г. Н. Х. Бунге был ректором этого университета, а затем – профессором кафедры политической экономии, совмещая преподавание с управлением Киевской конторой Государственного банка. Н. Х. Бунге выдвинул Киевский университет в число лучших высших заведений в империи, где преподавалась политическая экономия.

Наряду с Д. И. Пихно и А. Я. Антоновичем (ставшим впоследствии заместителем министра финансов С. Ю. Витте), Картавцов становится одним из любимцев Н. Х. Бунге, которому, как можно предположить, импонировало либеральное мировоззрение Евгения и с которым, по его признанию, он был откровеннее, чем с большинством друзей и знакомых. Кроме того, их отличала схожесть не только во взглядах, но и в чертах характера.

Позднее Евгений Эпафродитович напишет о своем учителе замечательный очерк, опубликованный в 1897 г. в «Вестнике Европы» и до сих пор считающийся лучшим из дореволюционных работ о жизни Н. Х. Бунге. В нем он отметит: «Говорить о безусловной честности и порядочности Николая Христиановича [Бунге] значило бы повто-

¹ *Vitte С. Ю.* Воспоминания, мемуары. Том I. Минск, 2002. С. 715.

² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2174. Оп. 1. Д. 121. Л. 1 – 1 об.

рять общие места. Но он шел далее обыденной общественной морали – он никогда не говорил неправды, даже в отношениях официального характера»¹. Такой же прямой отличался и сам Е. Э. Картавцов.

К 1 июня 1875 г. Евгений, как значилось в официальных документах, выслушал полный курс наук в Киевском университете и на заседании совета университета 29 октября 1875 г. был утвержден «действительным студентом юридических наук» с последующим получением степени кандидата, а уже с 5 ноября 1876 г. – кандидатом юридических наук. Благодаря протекции Н. Х. Бунге 27 декабря 1876 г. Е. Э. Картавцов был определен на службу в канцелярию Комитета министров в чине коллежского секретаря. В следующем году приказом по Министерству финансов он был причислен к этому ведомству «с откомандированием для занятий» в Особенную канцелярию по кредитной части².

Благодаря этому назначению он получил возможность познакомиться на практике с работой по решению экономических вопросов и получить опыт, который пригодится ему позднее, уже во время управления Крестьянским поземельным банком. В частности, в 1879 г. он посещал заседания Особой высшей комиссии для изыскания способов к сокращению государственных расходов. В 1880 г. уже в должности чиновника особых поручений VIII класса он по приказу министра государственных имуществ был направлен в Нижний Новгород «для наблюдения за продажей на Нижегородской ярмарке металлов, за исправным поступлением в казначейство выручаемых от продажи денег и для изучения уральских казенных горных заводов». В том же году он был командирован на Луганский завод как сопровождающий министра государственных имуществ. В 1881 г. следует новая командировка – в Самарскую губернию «для присутствования в различных волостных правлениях при производстве торгов на переоброчку казенных оброчных статей»³.

Е. Э. Картавцов зарекомендовал себя способным чиновником. По словам современника, он представлял собой человека «с блестящими дарованиями, большой трудоспособностью, из ряда вон выходящей эрудицией»⁴. Он отличался живостью характера и хорошими организаторскими способностями. И в 1882 г., когда Н. Х. Бунге уже в должности министра финансов стал инициатором учреждения Крестьянского поземельного банка, вопрос о его первом руководителе решил сам собой. Высочайшим именованным указом Правительствующему сенату от 25 июня 1882 г. Евгений Эпафродитович Картавцов был назначен «исправляющим должностю управляющего Крестьянским поземельным банком»⁵.

Это назначение стало нелегким испытанием. Крестьянский поземельный банк только предстояло создать для решения проблемы крестьянского малоземелья в условиях кризиса дворянского землевладения. Уже само обсуждение положения об этом банке в Го-

сударственном совете в 1882 г. вызвало жаркие споры вплоть до того, что учреждать этот банк нет никакой необходимости: такой шаг будет воспринят как слабость со стороны правительства. 18 марта 1882 г. положение было утверждено, а 8 апреля 1883 г. министр финансов Н. Х. Бунге заручился согласием императора Александра III на открытие Крестьянского поземельного банка.

К этому времени за счет выкупных платежей с крестьян была погашена громадная дворянская задолженность перед казенными банками. Вписанная в крестьянские выкупные платежи, она немало способствовала обнищанию этого самого многочисленного сословия империи. По официальным данным, с 1861-го по 1885 г. так была погашена огромная сумма в 316,8 млн рублей¹.

Перед Крестьянским банком ставились четыре основные задачи: обеспечить нуждающихся крестьян ссудами на покупку земли, избежать «преувеличенности» кредитов, создать необременительные условия кредитования и остерегаться злоупотреблений². Механизм деятельности банка был выработан исходя из опыта ипотечных учреждений Европы: средства, использовавшиеся для выдачи ссуд, привлекались за счет эмиссии его облигаций – государственных свидетельств Крестьянского поземельного банка. С другой стороны, это, как и полностью государственный характер учреждения, отличало его от большинства ипотечных банков, где ссуды выдавались не деньгами, а облигациями этих банков (которые затем обналичивались на бирже). Такое отличие было обусловлено тем, что крестьянам было затруднительно совершать подобное обналичивание, и они предпочитали живые деньги, на которые приобретали землю с расчоткой платежа до 34,5 года.

С учетом доходности свидетельств банка в 5,5% годовых годовые ставки по кредитам на приобретение земли колебались от 7,5 до 8,5%, 1% шел на покрытие расходов по управлению банком и на формирование его запасного капитала. При этом оценка земли в каждой губернии различалась, из-за чего ее было необходимо фиксировать в специальных составлявшихся банком объяснительных записках. А инструкция о порядке действий банка утверждалась комиссией из трех министерств: финансов, внутренних дел и государственных имуществ. Все это привело к тому, что в течение первых одиннадцати месяцев после утверждения положения о Крестьянском поземельном банке еще не было выдано ни одной ссуды. Отпечатанные на 5 млн руб. свидетельства банка не были выпущены в обращение, и он сам первое время существовал за счет средств, выделенных Государственным банком. Первая земельная сделка была совершена в деревне Столбовах Кременчугского уезда Полтавской губернии 13 мая 1883 года.

О том, как банк работал в первые годы, член его совета Ф. Ф. Воропонов вспоминал: «Внешняя обстановка Крестьянского банка была самая скромная. Нам отведено было в здании Министерства [финансов] всего четыре

¹ Картавцов Е. Э. Н. Х. Бунге // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 9.

² РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 123. Л. 1, 2.

³ Там же.

⁴ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 125.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.

¹ Государственный банк: краткий очерк деятельности за 1860 – 1910 гг. / Ред. Е. Н. Сланский. СПб., 1910. С. 108.

² Воропонов Ф. Ф. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1905. Кн. 12 (декабрь). С. 534.

или пять комнат небольшого размера: одна – управляющему, другая, побольше, – членам совета, а остальные две – канцелярии, бухгалтерии и кассе. Личный состав тоже был очень невелик. Члены совета назначены были уже все трое, но делопроизводителей пока было только два с небольшою группою писцов, а затем – бухгалтер и кассир. С такими силами начинали мы большое дело»¹. Но этот численный недостаток восполнялся работоспособностью, инициативой и приоритетом интересов дела.

Атмосфера в коллективе Крестьянского поземельного банка разительно отличалась от общепринятых норм: отношения были товарищескими, а служба – «интересным занятием»: «Засиживаясь подолгу в казенном здании, казалось, будто сидишь у себя дома, в кабинете, занимаясь не обязательным, а добровольно избранным увлекательным делом. Расходясь, каждый берет себе бумаги еще на дом, где тоже засиживается до глубокой ночи, с интересом ожидая завтрашнего возобновления труда»². Этому во многом способствовало доверительное отношение Н. Х. Бунге к своим сотрудникам, которым он предоставлял широкое поле деятельности. Так, набор в банк персонала нередко осуществлялся Е. Э. Картавцовым. В основном это были молодые люди, только начинавшие свою государственную службу. Они представляли новое поколение, еще не испорченное канцеляризмом, волокитой и иными министерскими пороками. Кроме того, их отличала симпатия по отношению к крестьянству. Из них получились способные чиновники, профессионалы своего дела. Они дорожили своим местом в учреждении. Некоторые из них впоследствии стали управляющими отделениями банка.

Совет банка, решавший внутренние вопросы, был подобран самим Н. Х. Бунге. Е. Э. Картавцов к тому времени еще не соприкасался с «крестьянским делом» на практике, но очень сочувственно относился к крестьянству и не скрывал своего мнения относительно того, что, по крайней мере, в далеком будущем земля должна принадлежать тем, кто на ней работает³.

С момента открытия банка было принято решение об основании его 11 отделений, причем пять из них (Киевское, Подольское, Волынское, Херсонское и Саратовское) во избежание излишних затрат было решено образовывать при местных учреждениях Государственного банка и только шесть (Тверское, Уфимское, Могилевское, Полтавское, Черниговское и Екатеринославское) – самостоятельно. Такое соединение отделений с Государственным банком предполагалось временно, только на первом этапе деятельности, так как их задачи сильно различались и не могли долго выполняться одними и теми же людьми.

Для достижения большего эффекта в работе каждый член его совета ежегодно должен был посещать две-три губернии, в которых разворачивались операции банка. Пример подал сам Е. Э. Картавцов, который весной 1884 г.

совершил несколько инспекционных поездок, по результатам которых он составил отчет, направленный на рассмотрение Н. Х. Бунге. По его мнению, одного обсуждения о ценности земель, приобретаемых крестьянами за счет ссуд из банка, было недостаточно. Необходимо, чтобы сами банковские чиновники осмотрели этот земельный надел и удостоверились в правдивости предоставленных банку сведений. При этом было желательно расспрашивать местных жителей о фактических ценах на землю в данной местности. Как писал Е. Э. Картавцов, такой осмотр, «действуя благоприятно на отделения, не менее полезен и лицам, составляющим совет банка. Поддерживая в них постоянное общение с местными деятелями и нуждами, и живое понимание местных хозяйственных условий, он даст им возможность вовремя заметить изменение этих условий и не допустит за бумажной стороной дела забыть его живую душу»¹.

Е. Э. Картавцов лично осматривал земли, купленные крестьянами при содействии банка, расспрашивал крестьян и помещиков о продажных ценах и об арендной плате за пользование угодьями. Всего же во время этих поездок он ознакомился с 23 сделками, совершенными на территории Екатеринославской, Полтавской и Херсонской губерний. За свою неутомимую деятельность по организации Крестьянского поземельного банка 2 декабря 1883 г. Е. Э. Картавцов был удостоен «высочайшего благоволения».

В 1883 и в 1884 гг. помимо своей основной деятельности он является членом государственных комиссий по осушению болот и о крестьянских переселениях. Последняя из этих комиссий высказалась за расширение помощи переселенческому движению со стороны Крестьянского поземельного банка, и 27 июля 1884 г. Е. Э. Картавцов разослал по отделениям банка секретный циркуляр о содействии переселенческому делу. За 1883 – 1885 г. через Крестьянский поземельный банк приобрели землю 18 тыс. крестьян-переселенцев².

Первые три года деятельности Крестьянского поземельного банка характеризовались большими объемами операций. За период с 1883-го по 1885 г. крестьянам было ссужено 22 млн руб.; при посредстве банка они приобрели 540 тыс. десятин земли³. С открытием Государственного Дворянского земельного банка в 1886 г. внимание Министерства финансов в большей степени было направлено на кредитование дворян. Для того чтобы не допускать возможных несогласованностей в действиях обоих банков, было решено объединить управление ими в лице одного человека.

Кандидатура Е. Э. Картавцова не вызывала сомнений, поскольку он входил в правительственную комиссию по выработке проекта создания Дворянского банка. Таким образом, 7 июня 1885 г. он стал управляющим Дворянским банком. Впоследствии такая традиция совмещения в одном лице руководства Дворянским и Кре-

¹ Воропонов Ф. Ф. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1905. Кн. 12 (декабрь). С. 534.

² Там же. С. 543 – 544.

³ Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1910. С. 134.

¹ Извлечение из отчета, представленного министру финансов управляющим Крестьянским поземельным банком по командировке его весной 1884 года. СПб., 1884. С. 2.

² РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.

³ Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925. С. 36.

стьянским банками закрепились и просуществовала до 1917 года.

Как и Крестьянский банк, Дворянский банк входил в Министерство финансов, состоял из центрального управления и отделений, осуществлявших операции банка на местах. Создание многих из этих отделений (в 1887 г. действовали уже 24 отделения, некоторые из которых начали свою работу еще до их официального открытия, и охватывающие 36 губерний) – также заслуга Е. Э. Картавцова.

Целью Государственного Дворянского земельного банка было поддержание дворянского землевладения через ипотечные ссуды. Уже с первых лет его деятельности эти кредиты многократно превышали то, что выдавалось Крестьянским банком самому многочисленному российскому сословию – крестьянству. Особенно сильно эта диспропорция стала проявляться после отставки Н. Х. Бунге с поста министра финансов. Только в 1886 – 1887 гг. дворянам в общей сложности через этот банк было ссужено почти 140 млн руб., в то время как крестьянам через посредство Крестьянского поземельного банка – всего 18,6 млн руб. Казус проявлялся и в другом: Дворянскому банку помещики платили 4 – 5% годовых, в то время как крестьяне Крестьянскому банку – до 8,5%¹. Конечно, здесь нельзя не учесть, что дворяне получали ссуды не живыми деньгами, а ценными бумагами – вкладными листами организованного для них банка. С другой стороны, эти процентные ставки были приняты «сверху» с учетом мнений высоких чиновников и непосредственно кабинета царя. Н. Х. Бунге оправдывался тем, что «когда я проектировал устав Крестьянского банка, я думал, что крестьянам будет легко платить этот процент. Ведь они платят большие деньги за арендуемые ими земли»².

Новый министр финансов – И. А. Вышнеградский, не питавший симпатии к Н. Х. Бунге, перенес свое отношение и на Е. Э. Картавцова. Это дополнялось истеричной газетной кампанией, развернутой В. П. Мещерским. Возглавляемая им газета «Гражданин», субсидируемая правительством, обвиняла Дворянский банк в том, что он грабит дворян и не всегда выдает ссуды в тех размерах, в которых испрашивают заемщики, а «преувеличенные ссуды» только затянут петлю «на силе передового сословия империи». Е. Э. Картавцова удостоили эпитетов «Робеспьер Дворянского банка» и «Марат Крестьянского банка». Его называли также «двуликим Янусом», светлой частью лица обращенным к Крестьянскому, а темной – к Дворянскому банку³. Поскольку Крестьянский банк покупал дворянские имения для их последующей перепродажи крестьянам, в среде «благородного сословия» насаждалось настроение, что банк, содействуя повышению цен на землю, «соблазнял на про-

дажу родовых имений и богатых владельцев, не умевших из своего земельного богатства извлечь доход»¹. А это означало, что он подрывал незыблемые устои дворянского землевладения, сложившиеся веками, и оставлял аристократов без земли. Н. Х. Бунге, узнав о выходах В. П. Мещерского, предложил Е. Э. Картавцеву использовать свое влияние, чтобы прекратить подобные выпады, но Евгений Эпафродитович не считал нужным на них реагировать.

Между тем деятельность Крестьянского и Дворянского банков была к тому времени уже налажена, хотя с приходом И. А. Вышнеградского объемы выданных Крестьянским банком ссуд сильно снизились (до 3,66 млн руб. в 1889 г. против 13,76 млн руб. в 1886 г.)². Снижение ссуд наблюдалось и в Дворянском банке, однако в том же 1889 г. они составили цифру, на порядок большую: банком было выдано ссуд на 36,7 млн руб.³ В 1889 г. И. А. Вышнеградский приступил к более активным действиям против Е. Э. Картавцова – стал лишать его денежных премий без объяснения причин. Евгений Эпафродитович направил письмо на имя нового министра финансов, в котором просил указать причины лишения его премий по результатам работы Крестьянского и Дворянского банков, но министр даже не объяснил ему причины своего недовольства.

Позднее, перед тем как объявить Е. Э. Картавцову об увольнении («говорили, будто тут отразилось неудовольствие некоторых влиятельных лиц, не удовлетворенных по Дворянскому банку» [то ли небольшими по суммам кредитами, то ли отказом в кредитах. – А. Б.]), И. А. Вышнеградский имел об этом беседу с царем Александром III. В августе 1889 г. И. А. Вышнеградский письменно сообщил Е. Э. Картавцову, что «именным высочайшим указом 10 сего августа, правительствующему Сенату данным, Ваше Превосходительство уволены по болезни согласно прошению от службы, причем по всеподданнейшему докладу моему последовало всемилоостивейшее соизволение на назначение Вам пенсии по 3500 рублей в год»⁴.

Приличным по тем временам размер пенсии вовсе не означал прекращение карьеры Е. Э. Картавцова. По словам знавшего его князя К. Ф. Орловского-Головина, «как всех способных людей, потерпевших крушение на государственной службе, Евгения Эпафродитовича снабдил усиленным окладом один из частных банков. Им стал Русский для внешней торговли банк, в совете которого он заседал с конца XIX в. вплоть до революции. Одновременно он стал членом совета Юго-Восточных железных дорог и даже был уполномочен ставить факсимиле своей подписи на его облигации. В 1897 – 1898 гг. вместе с предпринимателем Р. К. фон Гартманом Е. Э. Картавцов ходатайствовал о проведении узкоколейной железной дороги вдоль черноморского побережья между городами Новороссийск и Сухум. Помимо работы в вышеуказанных учреждениях, Евгений Эпафродитович

¹ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881 – 1894) СПб., 1902. Приложения. С. 23; Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883 – 1904 гг. СПб. 1906. С. 106. Таблицы. С. 50 – 51; Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. Таблица 18, 19.

² Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 179 – 180.

³ Картавцов Е. Э. Н. Х. Бунге // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 14.

¹ Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1910. С. 135.

² Батурицкий Д. А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925. С. 38.

³ Государственный Дворянский земельный банк: 1885 – 1910 гг. СПб., 1910. С. 52.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

состоял членом правления Русского судостроительного общества и Акционерного общества цементного завода «Ассерин». К 1917 г. он считался одним из богатых людей империи. Его капиталы в ценных бумагах к тому времени составляли 507 750 рублей¹.

В начале 1889 г. Е. Э. Картавцов, еще находясь на службе в Крестьянском поземельном банке, осуществил свою давнюю мечту увидеть окружающий мир (для людей его круга может показаться парадоксальным, что до 1889 г. он не пересекал границ Российской империи). Евгений Эпафродитович уговорил двух бывших сослуживцев (одним из них был Клавдий Никандрович Пасхалов) совершить путешествие по Египту и Палестине, куда его давно тянуло. Результатом путешествия стали его очерки «Поездка в стовратные Фивы», «В Каире», опубликованные в 1891 г. в «Вестнике Европы»², и книга «По Египту и Палестине», изданная в Санкт-Петербурге в 1893 году.

Е. Э. Картавцов также продолжает живо интересоваться крестьянским вопросом в России и в 1892 г. публикует свою статью «Наше законодательство о народном продовольствии»³. В ней он рассматривает проблемы правительственной политики в области народного продовольствия и хлебной торговли в России начиная с середины XVII века.

Евгений Эпафродитович состоит казначеем литературного фонда, созданного для поддержки нуждающихся литераторов и ученых. Работая в этом фонде, он познакомился со своей будущей женой – писательницей Марией Всеволодовной Крестовской (1862 – 1910). В то время она была широко известна как мастер женского романа; ее даже называли «русской Жорж Санд», ее очерки и повести публиковались в популярных журналах «Русский вестник» и «Вестник Европы», а рассказ «Вопль» удостоился высокой оценки А. П. Чехова. М. В. Крестовскую считали интересной женщиной; художники И. Н. Крамской и И. Е. Репин писали ее портреты. Ко времени их знакомства у Марии Владимировны рос сын Всеволод, и пересуды в обществе – девушка с ребенком, писательница, богема – останавливали Евгения Эпафродитовича принять решение о женитьбе. Но чувство взяло верх, и 28 апреля 1891 г. они обвенчались. Е. Э. Картавцов ввел ее в свое общество, усыновил сына и этим дал ему возможность поступить в Морской кадетский корпус. Их объединяла также любовь к литературе и искусству.

Картавцовы обзаводятся именьями и с удовольствием погружаются в заботу о них. Помимо любимого родового владения Нижнее Ольховатово (600 десятин), они приобретают два новых именья: Охунчик в районе Сочи и Мариоки в Финляндии. В родовом имении все долго сохранялось так, как было во времена детства. Доходы с именья были мизерными, и поддержание его тре-

бовало больших вложений. Здесь Евгений Эпафродитович завел многопольный севооборот и насадил лесные посадки. Отношения с крестьянами, по его словам, были идеальны. В 1906 г. имение было продано Крестьянскому поземельному банку¹.

В имении Мариоки, названном так в честь жены, стараниями Е. Э. Картавцова был построен очаровательный загородный дом европейского образца с цветущим садом. Здесь часто бывали гости: известный литератор, юрист и общественный деятель А. Ф. Кони, Т. Л. Щепкина-Куперник, которая посвятила этому уголку целый цикл стихов «Сказки Мариок». При этом супруги не забыли и местных жителей: на деньги Картавцовых для них была построена школа.

Неожиданная смерть любимой жены 24 июня 1910 г. была ударом для Е. Э. Картавцова. Ее похоронили рядом с дачным домом. В 1911 г. он заказал скульптору В. В. Лишневу установить на монолитной гранитной глыбе бронзовый памятник покойной. На граните высекли надпись: «При жизни недостаточно ценил и лелеял я тебя, дорогая Марьюшка, зато по смерти свято исполняю волю, заветы и желания твои. Твой всей душой Евгений».

В 1917 г. в Санкт-Петербурге было составлено завещание, в котором Е. Э. Картавцов писал: «Основной целью жизни моей является исполнение воли, заветов и желаний покойной жены». М. В. Крестовская завещала издать на нескольких языках ее дневник и устроить в Мариоках санаторий для выздоравливающих после тяжелых болезней и нуждающихся в отдыхе писателей, ученых, художников, музыкантов, а также слушательниц и студенток высших женских учебных заведений².

Само же имение Мариоки было завещано в совместное владение трех обществ: Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Обществу для доставления средств высшим женским курсам (Бестужевским) и Обществу для усиления средств женского медицинского института. Этим обществам Евгений Эпафродитович также в общей сложности завещал 225 тыс. руб.³ Эти деньги были предназначены для достройки здравницы, план которой уже к тому времени был составлен архитектором Л. Р. Соллогугом. Десять тысяч рублей он завещал обществам на ремонт самой усадьбы Мариоки. Кроме того, после его смерти им должно было перейти все движимое имущество петроградской квартиры: иконы, мебель, картины и т. д. Часть принадлежавших Е. Э. Картавцову земель в Финляндии, купленных после смерти жены, была завещана внукам.

В память о своих предках Е. Э. Картавцов хотел устроить на родине, в Нижнем Ольховатово, ремесленное или сельскохозяйственное училище имени Картавцовых, на постройку и обустройство которого он выделял 75 тыс. рублей.

Рядом с могилой жены на кладбище в Мариоках им было приготовлено место и для себя. Но этому желанию не суждено было сбыться. Сразу после событий 1917 г. он эмигрировал из России. Евгений Эпафродитович Картавцов умер в 1932 г. и был похоронен в Париже. ■

¹ РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 125. Л. 1 – 2.

² *Картавцов Е. Э. Поездка в стовратные Фивы // Вестник Европы. 1891. Кн. 5 (май). С. 112 – 135; Кн. 6 (июнь). С. 596 – 630; Картавцов Е. Э. В Каире // Вестник Европы. 1891. Кн. 12 (декабрь). С. 485 – 536.*

³ *Картавцов Е. Э. Наше законодательство о народном продовольствии. Исторический очерк // Вестник Европы. 1892. Кн. 2 (февраль). С. 628 – 678.*

¹ РГАЛИ. Ф. 2174. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.

² Там же. Л. 2, 3.

³ Там же. Л. 5.